

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ*

Владимир МАУ

доктор экономических наук,
профессор, ректор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(119571, Москва, просп. Вернадского, д. 84).
E-mail: rector@ranepa.ru

Оικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

Т е о р и я

1. Типология кризисов

Кризисы — неотъемлемая тема экономической повестки современной России, непреходящий элемент отечественных экономико-политических дискуссий. На протяжении четверти века посткоммунистической истории нашей страны мы или боремся с кризисами, или обсуждаем уроки прошлых кризисов, или пытаемся увидеть контуры кризисов будущих.

Постоянное присутствие тематики кризиса в нашем политическом и экономическом дискурсе не должно вызывать удивления. Экономические кризисы являются важным элементом современного экономического роста, начавшегося примерно 300 лет назад. В этом отношении знаменитый вопрос королевы Елизаветы II: «Неужели никто не мог предвидеть финансового кризиса?» [Pierce, 2008] — не выходит за рамки простого человеческого пожелания. Если бы кризисы можно было предсказывать, их можно было бы не допускать.

Такая постановка вопроса, может быть, несколько непривычна для части нашего общества. На протяжении примерно шестидесяти лет XX столетия — с 1930-х до конца 1980-х годов — термин «кризис» не использовался по от-

Аннотация

Статья посвящена кризисам, с которыми сталкивалась посткоммунистическая экономика России. Анализируются трансформационный кризис перехода от центрально управляемой экономики к рыночной, финансовый и циклический кризисы, внешние шоки. Особое внимание уделяется переплетению различных кризисов, тенденциям их развития, а также специфике антикризисных мер.

Ключевые слова: трансформационный кризис, системный кризис, циклический кризис, финансовый кризис, внешние шоки, революция, посткоммунистическая трансформация.

JEL: E32, O11, P27.

* Фрагмент книги, готовящейся к публикации в Издательстве Института Гайдара.

ношению к советской экономике и твердо ассоциировался с «загнивающим капитализмом». Однако это не означает, что экономических кризисов не было. Просто они носили или скрытый, или превращенный характер, принимая формы, отличные от тех, что свойственны рыночным экономикам (товарный дефицит вместо инфляции, избыточная занятость и низкая производительность труда вместо открытой безработицы и т. п.), однако и здесь можно было наблюдать определенную цикличность [Ofeg, 1987]. В конечном счете именно эта интеллектуальная и политическая «нечувствительность» к кризисам, неготовность принять их в качестве естественного элемента развития сыграли с советской системой злую шутку, подведя ее к катастрофе рубежа 1980—1990-х годов.

Разумеется, понятие «кризис» многоплановое и неоднозначное. В данном случае мы не намерены обсуждать его строгое определение. Речь пойдет о серьезных трудностях, с которыми российская экономика сталкивалась на протяжении всего посткоммунистического периода и которые требовали для своего разрешения значимого изменения экономической политики. Признаками, свидетельствующими о кризисе, считаются существенные изменения в худшую сторону параметров экономической и социальной динамики: роста (не обязательно выход в отрицательную зону, но и резкое торможение) занятости, инфляции, бюджетного дефицита, государственного долга, процентных ставок и ряда других. Из сказанного следует, что кризис не тождествен экономическому спаду, хотя отрицательные темпы роста ВВП — важное свидетельство наличия кризиса.

За период с конца 1980-х годов Россия прошла через несколько кризисов, различных по глубине и политическим последствиям. С некоторой долей условности можно выделить следующие кризисы за последние 25 лет.

Трансформационный кризис, в рамках которого осуществляется выработка новой экономико-политической модели функционирования общества. Его особенностью выступает одновременное изменение политических, экономических, социальных и идеологических основ развития страны, причем иногда оно сопровождается изменением государственных границ, крахом государства, и в этом случае кризис принимает форму полномасштабной революции [Skocpol, 1979; Tilly, 1993; Стародубровская, Мау, 2001].

Системный (структурный) кризис как кризис сложившейся модели экономического роста и экономического регулирования предполагает для выхода из него осуществление серьезных (хотя и необязательно радикальных) институциональных преобразований. В его основе лежат масштабные технологические сдвиги¹.

---

¹ Ряд экономистов рассматривают проблему смены технологической базы в логике «больших циклов конъюнктуры» Н. Д. Кондратьева — длинных волн, охватывающих 50—60-летний период [Кондратьев, 1925]. Это интересная и потенциально продуктивная гипотеза, хотя строгих доказательств ее верности нет и быть не может в связи с отсутствием достаточного числа статистических наблюдений, да и сам автор рассматривал эти свои выводы лишь как гипотезу.

Циклический (инвестиционный) кризис, отражающий колебания в темпах роста ВВП, инвестиций и занятости, хорошо известный из истории XIX—XX веков.

Финансовый кризис, который, в свою очередь, может распасться на кризисы бюджетной, денежной (валютный кризис), банковской систем. Они могут проявляться совместно либо преимущественно в той или иной финансовой сфере. По сути, во всех этих случаях речь идет о макроэкономической дестабилизации.

Кризис внешних шоков, который связан с обстоятельствами, внешними для данной страны, — войнами с их экономическими последствиями, резким изменением условий торговли и др.

На практике эти кризисы в разной комбинации наслаиваются друг на друга или предопределяют друг друга. Точнее, кризисы системного характера вбирают кризисы отдельных сторон экономической жизни. Так, трансформационный и структурный кризисы всегда предполагают и финансовый кризис, который нередко выступает их непосредственным триггером. Внешние шоки обуславливают финансовую дестабилизацию. Переплетение кризисов определяет специфику антикризисных мер в каждой отдельной стране в данное время. Взаимоналожение инвестиционного и финансового кризисов существенным образом затрудняет оздоровление, делает кризис более продолжительным, а антикризисные меры более болезненными.

Посткоммунистическая Россия проходила через все эти кризисы, причем через некоторые уже более одного раза. Однако при всем разнообразии экономических проблем в рамках 25-летнего интервала выделяются два достаточно длительных периода, которые можно охарактеризовать как кризисные. Это 1990-е годы и современный глобальный кризис, начавшийся в 2008 году и находящийся в настоящее время в России в полном разгаре.

2. Кризисные 1990-е

Первое посткоммунистическое десятилетие стало временем осуществления сложных, многоплановых процессов преобразования советского социализма в новую систему общественной жизни. Непростой и противоречивый характер трансформации породил острые дискуссии о самом существовании проводившихся реформ, об их эффективности и адекватности, о наличии альтернативных путей решения стоявших перед страной задач.

В конце 1980-х годов СССР столкнулся с четырьмя масштабными кризисами, которые несли четыре масштабных исторических вызова. И именно эти процессы в полной мере предопределяли развитие России на протяжении 1990-х годов. Не будучи непременно внутренне связаны друг с другом, они оказались в России тесно переплетенными и существенно влияли друг на друга, а главное — на характер экономического и политического развития страны.

Во-первых, страна столкнулась с вызовами постиндустриальной эпохи. Выход за рамки индустриального общества сопровождается тяжелыми структурным и макроэкономическим кризисами, через которые прошли страны Запада в 1970-е годы. СССР вследствие благоприятной для него внешнеэкономической конъюнктуры смог отсрочить начало структурной адаптации, но тем болезненнее она оказалась тогда, когда стала абсолютно неизбежной².

На протяжении 1990-х годов шли острые дискуссии относительно характера структурной трансформации российской экономики. Некоторые авторы характеризовали падение ряда традиционных секторов индустриальной экономики как деиндустриализацию, хотя более глубокий анализ позволяет увидеть в происходящих сдвигах ростки сервисной структуры, более характерной для постиндустриальной экономики (табл.). Бурно развивались отрасли телекоммуникаций и связи, электронная промышленность³. Прогрессивные сдвиги наблюдались в структуре выпускаемой продукции химической промышленности и металлургии. Заметно увеличилось количество организаций образования, число людей, вовлеченных в вузовское и послевузовское образование.

Во-вторых, в российском обществе протекали процессы собственно посткоммунистической трансформации. Наиболее сложной оказалась трансформация собственности — приватизация в национальном масштабе. Однако этот переход не являлся чем-то специфическим для России. Одновременно с ней посткоммунистические преобразования осуществляли еще порядка 25 государств, причем Россия не была здесь первопроходцем: ряд стран начали этот переход на два-три года раньше, что давало постсоветским республикам определенный, хотя и не очень богатый, опыт.

В-третьих, Россия столкнулась с масштабным финансовым (или макроэкономическим) кризисом, который стал результатом отчасти популистской экономической политики (проводимой начиная со второй половины 1980-х годов), а отчасти — политической слабости посткоммунистического государства, неспособного противостоять давлению инфляционистских сил. Это привело к развалу бюджетной и денежной системы, к исключительно высоким темпам инфляции (трехзначной в отдельные годы), к падению производства. Впрочем, макроэкономический кризис и пути борьбы с ним были уже хорошо изучены к концу XX столетия. В послевоенный период схожие проблемы приходилось решать многим странам Европы, Азии и Латинской Америки, да и сама Россия имела определенный позитивный опыт преодоления макроэкономического кризиса (в 1922—1923 годы).

---

² Характеристика российского кризиса как кризиса индустриального общества содержится в работах некоторых исследователей [Bauman, 1993; Rosser, Rosser, 1997].

³ За 1990-е годы электронная промышленность освоила порядка 700 новых изделий, отвечающих мировому уровню, и 800 видов товаров народного потребления. Рост производства составил в 1999 году 46%, а в 2000 году — 37,7%. Тогда же значительно возрос экспорт электронной продукции, достигнув 70—80 млн долл. в год, в основном в страны дальнего зарубежья.

Некоторые показатели социально-экономического развития, 1992–2000 годы
(1991 = 100%, если не указано иное)

	1992	1998	1999	2000
Образование				
Число вузов	103,3	176,1	180,8	185,9
Численность студентов в вузах	95,5	130,3	147,5	171,6
Выпущено специалистов из вузов	104,4	123	136,3	156
Численность профессорско-преподавательского состава (1993 = 100%)	–	115,4	121,7	125,5
Производство				
Видеокассеты	107,7	1157	944	807,5
Доля производства прогрессивных лакокрасочных материалов (%)	72	82	85	86
Доля электростали и кислородно-конвертерной стали в общем объеме выплавки стали (%)	50	72	72	73
Доля стали, полученной с машин непрерывного литья (%)	28	52	50	40
Производство алюминия, включая силумин	99,4	111,4	117,0	120,6
Транспорт				
Обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями (на 1000 населения)	107,9	192,1	201,7	208,5
Автомобильные дороги с твердым покрытием (км на 1000 кв. км территории)	103,3	111,1	111,3	111,6
Связь				
Число телефонных аппаратов сети общего пользования	101,6	123,8	130,7	135,2
Обеспеченность населения домашними телефонными аппаратами (на 100 семей)	105,0	137,6	147,6	155,5
Протяженность междугородных телефонных каналов	106,3	252,8	351,1	509,1
Доля протяженности цифровых каналов в общей протяженности междугородных телефонных каналов (%)	1,5	56,9	69,1	76,9
Число зарегистрированных факсов	206,2	1706 (1997 г.)		
Число пейджеров	100	3838	4118	5065
Сотовые и зоновые каналы связи	100	12 695	23 600	55 524

Источник: Росстат.

Наконец, *в-четвертых*, экономико-политические, макроэкономические и структурные преобразования в России на рубеже 1980–1990-х годов осуществлялись в условиях трансформационного кризиса и полномасштабной социальной революции. Системные преобразования, радикально изменявшие общественное устройство страны, протекали в ситуации слабого государства, что и представляет собой сущностную характеристику революции⁴. К началу посткоммунистических преобразований разрушенными оказались практически все институты

⁴ Подробную характеристику этого вывода см. в: [Мау, Стародубровская, 2001. С. 313–317].

государственной власти, и их восстановление стало, по сути, центральной политической задачей первого посткоммунистического десятилетия. Более того, экономические реформы продвигались только по мере восстановления институтов государственной власти, что обусловило гораздо более медленные темпы преобразований, чем в большинстве других посткоммунистических стран. Революционный тип преобразований был уникален среди стран, осуществлявших посткоммунистический переход, однако он также не был абсолютно нов в европейской истории.

Таким образом, специфика развития России 1990-х годов предопределялась самим фактом переплетения четырех кризисов. Каждый из них не представлял собой чего-то уникального, неизвестного из опыта других стран или из исторического опыта самой России. Уникальным стало их переплетение в одной стране в одно и то же время. Именно это создавало те своеобразные процессы, которые определяли специфику российской трансформации и ставили в тупик многих исследователей посткоммунизма.

У трансформационного десятилетия было два особенно острых момента, когда экономические проблемы могли взорвать политическую систему.

В первом случае это так и произошло — в 1991 году СССР прекратил существование, рухнув под натиском прежде всего экономических проблем. Либерализационные реформы 1992 года, сопровождавшиеся четырехзначной инфляцией, также привели к серьезным политическим потрясениям, но позволили создать базовые условия для осуществления в дальнейшем антикризисной политики.

Вторым острым моментом был финансовый (а точнее, долговой) кризис 1998 года, который также был чреват политическими потрясениями. Однако, несмотря на почти четырехкратную девальвацию и скачок инфляции до 80%, кризис удалось быстро купировать и воспользоваться его результатами для возобновления экономического роста.

К концу 1990-х годов обозначилось исчерпание по крайней мере трех из четырех названных кризисов.

Прежде всего была проведена *макроэкономическая стабилизация*. Кризис оказался довольно длительным (около десяти лет), однако не беспрецедентным в экономической истории. Стабилизация была осуществлена при помощи набора стандартных мероприятий (либерализация, бюджетная и денежная стабилизация), и ее успешное завершение сформировало основу для восстановления экономического роста. В этом отношении кризис 1998 года стал завершающим эпизодом финансового кризиса десятилетия.

К 2000 году была практически *исчерпана повестка революционной трансформации*. Произошло восстановление государственной власти, макроэкономическая стабилизация была синхронизирована со стабилизацией политической. Еще анализ предвыборных программ политических партий конца 1999 года показывал, что базовые ориентиры основных политических сил при всем различии между ними сбли-

жаются [ИЭПП, 2000. С. 313—319]. Формировалась система базовых ценностей, которые на время перестали быть предметом политической борьбы. В частности, никто уже не ставил под сомнение частную собственность в качестве основы экономической и политической жизни (хотя оценки итогов приватизации до сих пор остаются противоречивыми); никто не выступал с требованиями отказа от жесткой денежной и бюджетной политики (хотя еще в предыдущее десятилетие многие считали вполне допустимым инфляционное финансирование бюджетного дефицита); все поддерживали политику снижения налогового бремени; все были согласны с необходимостью перенесения центра тяжести на институциональные реформы. Конечно, практические рекомендации политических сил существенно различались, но различия эти уже были не настолько глубоки, чтобы вести к разрушению политической стабильности. Способность власти обеспечить базовую макроэкономическую стабильность служит важнейшей экономико-политической характеристикой преодоления революционного кризиса.

Таким образом, можно говорить и о *решении задач посткоммунистической трансформации* к началу 2000-х. Три основные характеристики отличают коммунистическую систему: тоталитарный политический режим, абсолютное господство государственной собственности в экономике, товарный дефицит в качестве сущностной черты экономической и политической жизни⁵. К концу 1990-х годов в России были преодолены все три черты коммунизма.

Впрочем, сказанное не означало формирования в России новой эффективной рыночной экономики. Не удалось в полной мере преодолеть структурные и макроэкономические проблемы, связанные с формированием современной технологической и институциональной базы. Нерешенность этих проблем обуславливала уязвимость России перед угрозой глобальных кризисов и внешних шоков.

Словом, доминирующими социально-экономическими проблемами России после завершения посткоммунистической трансформации оставались кризис индустриальной системы и формирование социально-экономических основ современного общества. Этот процесс предопределял характер тех кризисов, с которыми страна столкнется в обозримом будущем.

3. Турбулентное десятилетие: 2008—(?)

Современный глобальный кризис совпал по времени с восстановлением российской экономики до уровня, предшествовавшего трансфор-

---

⁵ Сущностная связь, неразделимость коммунистической системы и товарного дефицита была показана еще в первые годы практического осуществления коммунистического эксперимента, а к концу советской системы была теоретически обоснована Я. Корнаи [Бруцкус, 1922; Новожилов, 1926; Корнаи, 1990]. Это же было фактически признано И. Сталиным: в «Экономических основах социализма в СССР» в качестве одного из фундаментальных законов построенного под его руководством общества называется «закон опережающего роста потребностей по сравнению с возможностями их удовлетворения» [Сталин, 1997].

мационному кризису. В 2000—2008 годах происходил поступательный экономический рост, который позволил за десятилетие практически удвоить ВВП. Среднегодовой темп роста составлял около 7%.

Однако по мере приближения к докризисному уровню появились признаки исчерпания сложившейся модели экономического роста. Эта модель основывалась на постоянном опережающем росте спроса (благодаря быстрому росту цен на нефть и притоку нефтедолларов) при отставании повышения производительности труда и конкурентоспособности продукции. Институциональные реформы, начатые и успешно осуществлявшиеся в 2000—2003 годах, постепенно стали сворачиваться. Качество институтов не играло значимой роли при наличии растущих финансовых возможностей государства. Несмотря на несомненные макроэкономические успехи (сокращение долга до незначимых размеров, формирование Стабилизационного фонда, обеспечение бюджетного профицита, снижавшаяся инфляция) и социально-политическую стабильность, было очевидно, что экономика остается уязвимой перед внешними шоками и не может совершить качественного рывка — конкурентоспособность в условиях «голландской болезни» не только не росла, но и снижалась.

Начавшийся глобальный кризис носил структурный характер и был сопоставим по масштабу и последствиям с аналогичными кризисами XX века — 1930-х и 1970-х годов [Мау, 2009]. Это кризис особого рода, который не описывается одним-двумя параметрами (например, спадом производства и ростом безработицы), но является многоаспектным, охватывая разные сферы социально-экономической жизни, и, как правило, имеет серьезные социально-политические последствия.

Этот кризис несет с собой мощный интеллектуальный вызов. Он требует выработки новой повестки экономического и политического (и вообще обществоведческого) анализа, становится мощным стимулом для переосмысления существующих экономических и политических доктрин как в глобальном масштабе, так и применительно к отдельным странам.

Разумеется, здесь не может быть прямых аналогий. Структурные кризисы уникальны, то есть опыт, накопленный при преодолении каждого из них, практически невозможно использовать в новых условиях. И тем не менее есть ряд качественных характеристик, которые позволяют относить их к одному классу кризисов, то есть эти кризисы можно сравнивать друг с другом, учитывать их особенности, но не переносить рецепты антикризисной политики от одного к другому.

Можно выделить следующие черты, присущие структурным (или системным) кризисам.

Во-первых, кризис связан с глубокими институциональными и технологическими изменениями, со сменой технологической базы. Эти изменения выводят экономику на качественно новый уровень эффективности и производительности труда. Обновление технологической базы с точки зрения новейших достижений науки и техники считается важ-

нейшим условием успешного выхода из кризиса. Формирование новой технологической базы сыграет в дальнейшем развитии ту же фундаментальную роль, которую в середине XX века сыграла крупная машинная индустрия, а после 1970-х годов — микроэлектроника и компьютерные системы. С технологическим обновлением связана трансформация спроса на многие товары производственного и потребительского назначения, и особенно на инвестиционные и топливно-энергетические продукты. Естественно, это скажется на ценах большинства присутствующих на рынке товаров, обусловит выход на новые равновесные уровни цен, что повлечет за собой и изменение политических конфигураций.

Во-вторых, этот кризис неотделим от кризиса финансового. Наложение финансового кризиса на собственно экономический (спад производства и падение занятости) делает выход из кризиса более трудным, обуславливает необходимость проведения целого комплекса структурных и институциональных реформ для выхода на траекторию устойчивого роста.

В-третьих, в основе кризиса лежат дисбалансы в организации экономической жизни. Эти дисбалансы связаны с глубокими технологическими сдвигами, то есть с появлением принципиально новых технологий (некоторые экономисты называют это новым технологическим укладом). Поэтому выход из кризиса предполагает трансформацию производственной базы ведущих стран на основе укрепления и развития этих самых новых технологий.

В-четвертых, накапливаются геоэкономические и геополитические дисбалансы. В современных условиях наиболее очевидным примером такого дисбаланса будет изменение ролей развитых и развивающихся (быстро развивающихся) стран. Выход на траекторию более сбалансированного роста (по параметрам сбережений и расходов, экспорта и внутреннего потребления, доходов и расходов) оказывается ключевой проблемой, стоящей перед многими развитыми и развивающимися странами в Европе, Америке и Азии.

В-пятых, формирование новых валютных конфигураций — появляется новая мировая валюта (или новые мировые валюты). В XX веке это было коренное изменение роли золота, возвышение доллара, после 1970-х годов — усиление бивалютного характера международных расчетов. В новых условиях возникает вопрос о перспективах доллара, евро, юаня, а также о перспективах усиления роли региональных резервных валют.

В-шестых, кризис продолжителен, он охватывает примерно десятилетний период, который можно обозначить как турбулентное десятилетие. Это означает, с одной стороны, что его можно разбить на этапы, в рамках которых доминируют те или иные отдельные проблемы отраслевого или регионального характера, а с другой — что ни одна отдельно взятая характеристика не может считаться единственным критерием углубления кризиса или выхода из него. Это касается и рецессии (кризис не начался с рецессии и не сводится к ней), и колебаний фондового рынка, и любых других параметров.

В-седьмых, борьба с кризисом обычно сопровождается принятием сильнодействующих и не всегда адекватных антикризисных средств. С одной стороны, это связано с тяжестью структурных проблем, преодоление которых требует немалых экономических и социальных жертв. С другой стороны, отмеченная выше интеллектуальная неготовность к структурному кризису, выражающаяся в попытках решения новых проблем старыми методами, ведет к накоплению дополнительных трудностей и еще более усугубляет кризис — как экономический, так в некоторых случаях и политический. Таким образом, возникает проблема *exit strategy* и *требуется время не только для преодоления кризиса, но и для устранения последствий борьбы с ним*.

Все эти факторы, вместе взятые, объясняют коренное отличие системного кризиса от циклического. Циклический кризис лечится временем, он не предполагает изменения политики, а преодолевается сам собой — когда сдувается возникший в период бума пузырь. Системный кризис требует существенной трансформации экономической политики, основанной на новой философии экономической жизни. Иначе говоря, здесь структурные проблемы доминируют над циклическими.

Прохождение России через современный глобальный кризис распадается на несколько этапов.

На *первом этапе*, наиболее остром для глобальной экономики (2008—2009), российская экономика развивалась параллельно с остальным развитым миром. Какие-то проблемы здесь проявлялись более жестко, какие-то мягче, чем в других странах.

Так, благодаря ответственной макроэкономической политике предыдущего десятилетия стране удалось избежать долговой ловушки, иметь сбалансированный бюджет и значительные валютные резервы. Это позволило смягчить трудности первого этапа кризиса и сконцентрировать антикризисную политику на поддержании спроса прежде всего со стороны населения. Крупные государственные инвестиционные проекты (подготовка к саммиту АТЭС, к Олимпиаде 2014 года, строительство северного газопровода) также способствовали поддержанию экономической стабильности. Однако все это позволило смягчить социально-экономическую ситуацию, но не удержать экономику от падения — спад ВВП в России в 2009 году оказался самым глубоким среди стран «большой двадцатки».

Главным макроэкономическим отличием России были наличие бюджетной сбалансированности и высокая инфляция. Это делало невозможным денежное стимулирование экономики и существенно ограничивало возможности бюджетного стимулирования. По сути, Россия столкнулась с рисками стагфляции, что требовало антикризисной программы, существенно отличной от программ других развитых стран.

На *втором этапе* (2010—2013), когда ситуация, как казалось, стабилизировалась, почти восстановились до докризисного уровня цены на нефть и золотовалютные резервы страны, возобладала идеология *business as usual*. Иными словами, по факту была предпринята попытка

возврата к модели экономического роста 2000—2008 годов, основанной на стимулировании спроса.

Правда, официально была признана необходимость перехода к новой модели роста, дискуссии по которой интенсивно велись на протяжении 2011—2012 годов в рамках работы над Стратегией—2020 [Стратегия—2020, 2013].

Третий этап начался в 2013 году, когда появились признаки торможения. Впервые с начала XXI века (за исключением 2009 года) темп экономического роста страны оказался ниже среднемирового. Торможение стало результатом переплетения нескольких факторов: отсутствия институциональных и структурных реформ, снижения инвестиционной активности (в силу как конъюнктурных, так и институциональных причин), роста геополитической напряженности и ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры.

В результате к началу 2015 года Россия вновь оказалась под воздействием сразу нескольких кризисов: структурного, циклического и внешних шоков (падение цен на нефть и введение финансовых санкций)⁶. Каждую из этих проблем можно решить в рамках ответственной экономической политики. Однако наложение их друг на друга создает серьезные трудности, поскольку требуется принимать не просто различные, но подчас диаметрально противоположные меры.

Ключевым кризисом, влияющим на современную ситуацию в России, выступает глобальный кризис и непосредственно вытекающая из него необходимость трансформации сложившейся в России модели экономического роста. Эта модель демонстрировала признаки исчерпания уже к 2008 году, о чем предупреждали экономисты практически всех направлений. Однако короткий кризисный спад 2009 года и отскок упавших тогда цен на нефть позволили продлить время ее существования еще на несколько лет. Начавшееся в 2012 году падение темпов экономического роста вновь напомнило о необходимости структурных и институциональных реформ⁷. Внешние шоки (включая цены на нефть и санкции) при всей их значимости играют вторичную роль, обостряя ситуацию, но одновременно создавая дополнительные возможности для антикризисного маневрирования и институционального обновления.

---

⁶ Если рассматривать ситуацию в деталях, то имеет смысл выделить следующие кризисные явления в России 2014—2015 годов, помимо собственно глобального кризиса: кризис модели экономического роста России 2000-х годов, обострение геополитической обстановки, внешний шок от предпринятых против России отраслевых санкций, прежде всего в финансовой сфере, внешний шок в результате падения цен на нефть, валютный кризис как результат двойного внешнего шока (прежде всего падения цен на нефть, но отчасти — и финансовых санкций), циклическое снижение, связанное со снижением инвестиционной активности, демографический кризис как сокращение численности населения в трудоспособном возрасте [Мау, 2015].

⁷ Тезис о приоритетной роли структурных реформ является общим практически для всех исследователей. Типичное высказывание: «Для того чтобы преодолеть спад и улучшить долгосрочные перспективы, Россия должна будет принять меры как контрциклической, так и структурной политики. Причем применительно к России меры структурного характера более значимы. Ограниченность в прошлом периоде последовательных структурных реформ привела к постепенному размыванию доверия инвесторов» [World Bank, 2014. P. 5].

Литература

1. Бруцкус Б. Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // *Экономист*. 1922. № 1. С. 49—65; № 2. С. 163—183; № 3. С. 54—72.
2. Российская экономика в 1999 г.: Тенденции и перспективы. М.: ИЭПП, 2000.
3. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // *Вопросы конъюнктуры*. 1925. Т. 1. Вып. 1. С. 28—79.
4. Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.
5. Мау В. Глобальный кризис: опыт прошлого и вызовы будущего // *Экономическая политика*. 2009. № 4. С. 47—61.
6. Мау В. Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // *Вопросы экономики*. 2015. № 2. С. 5—31.
7. Новожилов В. В. Недостаток товаров // *Вестник финансов*. 1926. № 2. С. 7—22.
8. Сталин И. Сочинения: в 16-и т. Т. 16. М.: Писатель, 1997.
9. Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.
10. Стратегия—2020. Новая модель роста — новая социальная политика: в 2-х т. / Под ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. М.: Дело, 2013.
11. *Vauman Z.* A Post-modern revolution? // *From a one-party state to democracy*. Amsterdam: Rodopi, 1997.
12. *Gur O.* Soviet economic growth: 1928—1985 // *Journal of Economic Literature*. 1987. Vol. 25. No 4. P. 1767—1833.
13. *Pierce A.* The Queen asks why no one saw the credit crunch coming // *The Telegraph*. 2008. November 5.
14. *Rosser J. B., Rosser M. V.* Schumpeterian evolutionary dynamics and the collapse of Soviet-block socialism // *Review of Political Economy*. 1997. Vol. 9. No 2. P. 211—223.
15. *Skocpol T.* States and social revolutions: A comparative analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
16. *Tilly Ch.* European revolutions, 1492—1992. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1993.
17. *World Bank.* Confidence crisis exposes economic weakness. Russian Economic Report. 2014. No 31.

Ekonomicheskaya Politika, 2015, vol. 10, no. 2, pp. 7-19

Vladimir MAU, Dr. Sci. (Econ.), PhD (Econ.), professor, rector. E-mail: rector@ranepa.ru.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russian Federation).

Economic Crises in Post-Communist Russia

Abstract

The paper deals with various crises which post-communist Russian economy faced with. There are transitions crisis from centrally-planned to market economy, financial crisis, external shocks, etc. Special attention is paid to combination of crises, their trends and character of anti-crisis policies.

Key words: transformational crisis, system crisis, cyclical crisis, financial crisis, external shocks, revolution, post-communist transformation.

JEL: E32, O11, P27.

References

1. Brutskus B. Problems of national economy under the socialist system. *Ekonomist*, 1922, no. 1, pp. 49—65; no. 2, pp. 163-183; no. 3, pp. 54-72.

2. *The Russian economy in 1999: Trends and prospects*. Moscow: IET, 2000.
3. Kondratiev N. Big cycles of conjuncture. *Voprosyi konyunkturyi*, 1925, vol. 1, no. 1, pp. 28-79.
4. Kornai J. *Deficit*. Moscow: Nauka, 1990.
5. Mau V. Global crisis: Past experience and future challenges. *Ekonomicheskaya Politika*, 2009, no. 4. pp. 47-61.
6. Mau V. Russia's social and economic policy in 2014: Finding new frontiers. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 2, pp. 5-31.
7. Novozhilov V. Lack of goods. *Vestnik finansov*, 1926, no. 2, pp. 7-22.
8. Stalin I. *Compositions*. In 16 vols. Vol. 16. Moscow: Pisatel, 1997.
9. Starodubrovskaya I., Mau V. *Great Revolution. From Cromwell to Putin*. Moscow: Vagrius, 2001.
10. Mau V., Kuzminov Ya. (eds). *Strategy—2020. New growth model — a new social policy*. In 2 vols. Moscow: Delo, 2013.
11. Bauman Z. A Post-modern revolution? In: *From a one-party state to democracy*. Amsterdam: Rodopi, 1997.
12. Gur O. Soviet economic growth: 1928-1985. *Journal of Economic Literature*, 1987, vol. 25, no. 4, pp. 1767-1833.
13. Pierce A. The Queen asks why no one saw the credit crunch coming. *The Telegraph*, 2008, November 5.
14. Rosser J. B., Rosser M. V. Schumpeterian evolutionary dynamics and the collapse of Soviet-block socialism. *Review of Political Economy*, 1997, vol. 9, no 2, pp. 211-223.
15. Skocpol T. *States and social revolutions: A comparative analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
16. Tilly Ch. *European revolutions, 1492-1992*. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1993.
17. World Bank. Confidence crisis exposes economic weakness. *Russian Economic Report*. 2014. No 31.